

I. МЕТАМОРФОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита

Социальный космос переживает сегодня собственный Большой взрыв. Глобальная модернизация ускорила многие процессы, привела к интернационализации пространств и упрощению коммуникаций, экспансии образования и высокой общественной мобильности. Она обеспечила умножение энергичных, высоко эрудированных личностей, способных к интенсивному, результативному взаимодействию в многомерной, подвижной галактике, пребывающей в состоянии цивилизационного транзита. Неподдельный интерес у исследователей и политиков вызывают мутации форм человеческого общежития на землях социокультурного трансграничья, рецептуры мотивационных и ценностных трансформаций, траектории подвижного суверенитета, преобразование национального государства в глокальную либо корпоративную ипостась. На мировой арене появляются новые влиятельные субъекты социального действия, использующие возможности, ресурсы а подчас и обличья традиционных игроков.

Эта часть текста — своеобразный пролог в разговоре о схемах и субъектах новой сборки мира: рассуждение о происходящих метаморфозах института национальной государственности — основной формулы мироустройства эпохи Модернити. Что в свою очередь является одним из проявлений цивилизационного транзита, в котором, судя по всему, пребывает человечество.

Действительно, мы живем в удивительное время: в период стремительных изменений социальной реальности. Перемены — понятие двусмысленное, энигматичное. Знаменитая китайская максима считает подобное состояние дел проклятием: «*Жить тебе в эпоху перемен*». В России, однако же, несколько иное отношение к историческим разноточениям, разрывам и прорывам повседневности, выраженное поэтом в тезе: «*Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые*».

Изменения пронизывают жизнь, но интенсивность их заметно разнится в те или иные времена. Серьезная трансформация мироустройства, ее явное ускорение началось, пожалуй, даже не в прошлом столетии, а еще где-то в конце позапрошлого века, когда «*индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер*» (Арнольд Тойнби). В результате, как и в пору исторического Средневековья, человек вновь начинает осознавать себя частью «*более широкого универсума*».

Одновременно ускоряется рост населения, существенно увеличивается количество интеркоммуникаций и ассоциаций, порождаемых человеческим океаном.

В многообразии перемен, охвативших социальный космос в этот период, числятся: крах сухопутных и океанических империй, умножение числа национальных государств, их мутация, делегирование ряда полномочий другим формам политконструкций, появление иных влиятельных субъектов и агентов социального действия. Совершается

обновление самой композиции мироустройства, модификация логики мировых связей, естественным образом проявилась также насущная потребность в новой методологии познания и действия в столь интенсивно меняющейся среде.

Обозначившийся в XX в. транзит, по-видимому, знаменует предел исторического времени Модернити — эпохи формирования и возвышения национальной государственности. Другой — ранней, начальной — границей этого периода в генетике скреп мироустройства являются, пожалуй, окончание Столетней войны (1453 г.) — Аугсбургское соглашение (1555 г.) — Вестфальский мир (1648 г.).

Хотя, возможно, масштаб перехода, который мы переживаем, значительнее. И определяет он не только серьезные подвижки в политическом и экономическом мироустройстве, не только изменение привычного формата государственности и даже не только окончание эпохи Модернити, но цивилизационный и антропологический сдвиг, социально-культурный переворот, который тем или иным образом затронет со временем все стороны земного бытия, не исключая привычные системы ценностей.

Новая историческая волна вносит в краски мира собственную палитру оттенков, творя эскизы футуристичных конструкций, иницилируя чертежи иной сборки общезжития, не забывая при этом проставлять метки разрушения на крепежных колонах прежней политической архитектуры. Становление нового поколения социоструктур обнаруживается сегодня в различных сферах жизни, являя себя миру, однако же, весьма несхожим образом, включая симбиотические манифестации либо, напротив, какофонию генетически несовместимых практик. Но не только.

Исторические сдвиги и тектонические трансформации совершаются не обязательно явным, очевидным для пресыщенных зрителей образом. Порою на мировой сцене действуют оригинальные игроки, использующие — подобно актерам комедии *dell'arte* — возможности, ресурсы, а то и обличия традиционных персонажей сложившегося ранее сюжета. В границах сфокусированной реальности гены новизны развиваются подчас путем пластичной конвергенции со структурами повседневности, сохраняя — случается, на продолжительный срок — конвенциональную иллюзию, «хитинную» оболочку, оставаясь, таким образом, прикровенными объектами для внешнего наблюдателя.

Присутствие на планете новой поросли — срезаемой до поры социологической версией «бритвы Оккама» — с какого-то момента признается за феноменологию исторической стройки во многом вследствие кумулятивного эффекта: безличного и неатрибутируемого накопления артефактов, растущего списка алогичных событий, спонтанных явлений, сбоев практики. И все это осознанное бытие протоплазмы и «рвакли» грядущего эона легитимируется, прежде всего, не в академических реляциях или в упакованной рефлексии публичных деклараций политиков, но в прагматичных реакциях деятельной среды, объединяемой широким понятием «бизнес-сообщество» (термин, не вполне соответствующий реальному статусу данной корпорации).

К тому же некоторые процессы (пост) современного универсума обладают определенным дискурсивным иммунитетом, а, случается, и практически анонимным характером, предъявляя время от времени подобие криптографических шарад, ставящих в тупик профессиональных исследователей людского лабиринта. Что, кстати говоря, лишний раз указывает на дефектность привычной картографии, неполноту категориального аппарата и тривиальность ординарных («школярских») схем политологии.

Транзитный характер времени становится между тем очевиднее, однако формальное прочтение ландшафта новизны — все менее внятными, предвещая, судя по ряду признаков, в не столь отдаленном будущем очередной акт масштабных перемен и возможность массового схода социальных лавин.

То есть складывающаяся сегодня повестка дня настоятельно востребовала собственную грамматику перемен: инновационную систему анализа и прогноза, методологию принятия решений и действий в сложной среде подвижного, мерцающего социокосмо-

са, язык и категориальный аппарат, адекватные переживаемому человечеством социальному и антропологическому транзиту.

Государство и трансформация

Один из аспектов совершающихся на планете трансформаций привлекает к себе особое внимание. Это генезис инновационных формул человеческого общежития, рожденных мутацией государственности. Именно множественность изменений и подвижек в данной сфере, а также сама генетика оригинальных кодов миростроительства свидетельствуют об эволюционном скачке, культурном и цивилизационном транзите, являясь яркими симптомами данного процесса.

Становление нового формата государственности неоднозначно по характеру и неоднородно по содержанию рождающихся конфигураций. Число национальных государств и разного рода квази-государств превысило на сегодняшний день две сотни. В этом пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, отколовшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного национального очага. Все эти и подобные им образования объединены контекстом международной практики, но разделены степенью достигаемого успеха в вопросах адаптации к нормативам суверенного национального государства. И также степенью признания данного успеха со стороны мирового сообщества.

В результате система национальных государств как сообщество исключительных субъектов международных связей (*inter-national relations*) дополняется инновационными конструкциями. Относительная гомогенность системы постепенно размывается, а правовые основания меняются под воздействием полифонии деятельных агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем влияния, оказываемым ими на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

Сегодня, пожалуй, можно различить три кластера перемен, три слоя социального текста, которые приходится учитывать при толковании миропорядка и моделировании действий в условиях подвижной реальности.

Прежде всего это новая композиция международных отношений, т. е. различные формы адаптации к изменившимся условиям «традиционной» национальной государственности (*nation state*), перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам: глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Одновременно мы наблюдаем изменение логики актуальных мировых связей и соответственно — императив обновления способов анализа сложноподчиненной конфигурации геополитических и геоэкономических зон (*geo-economic areals*).

Наконец, имеет место генезис новой среды и ее обитателей — в том числе, корпораций-государств (*corporation-state*): влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с социальными/политическими амбициями, и все увереннее чувствующих себя в антиномийной структурности одновременно интегрируемого и диверсифицирующегося социокосмоса.

Ситуацию усложняет упомянутое выше параллельное сосуществование прежних и новых социоструктур. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию мировых конструкций, но также динамические связи и взаимодействия, которые возникают или только еще могут возникнуть между разнородными персонажами глобальной драмы.

Таким образом, обновление топографии социальных пространств носит характер комплексный, «композитный». А делегирование национальной государственностью полномочий (суверенитета) собираемым тут и там трансформерам совершается по раз-

личным направлениям и реализуется в различных регистрах. Все это часть грандиозной, системной реорганизации глобального сообщества. Реорганизации, получившей ярлык «постсовременности» (Постмодерна).

Новый миропорядок

Активный поиск золотой формулы грядущего миропорядка происходил на протяжении всего прошлого столетия, включая привычный, связанный с национальной государственностью регистр социальной/политической практики.

Этот поиск отражен, к примеру, в миропроектности Коминтерна (1919 г.) — вспомним строки из манифеста III Интернационала, где провозглашалось: *«Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».*

Но подобная же динамика была пунктирно прочерчена и в замысле Лиги Наций (1919 г.) — этом своеобразном прообразе грядущих мировых регуляторов, организации, содержащей также зародыш будущей международной бюрократии. И занимавшейся в числе других проблем вопросами инновационного госстроительства на обезличенных постимперских пространствах (не имея при этом собственной территории, но распоряжаясь — т. е. в некотором смысле обладая — территориями «подмандатными» ей).

Своя версия «нового общественного порядка» просматривалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности *Ordnung*'а...

Мировые регулирующие органы

Во второй половине XX века поиск «золотого сечения» нового мирового порядка проявился в утверждении биполярной системы мироустройства: «содружества социалистических стран» и «капиталистической системы», в процессах массовой деколонизации и становления «третьего мира», в формировании глобального «свободного рынка».

А также в создании Организации Объединенных Наций, включая несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и вполне автономных. И в тех существенных подвижках, которые внес в прописи международного права такой институт, как Совет Безопасности ООН (1945 г.); подвижках, связанных с делегированием сообществом суверенных государств определенных властных полномочий этому коллективному органу, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена мировых регулирующих органов связана с судьбой коалиции «большой шестерки / семерки / восьмерки» (1975 г.). И с генезисом такого своеобразного мирового регулирующего организма, как *«мировая господствующая держава»* (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или *«новый орган всемирно-политической власти»* (Збигнев Бжезинский).

Страны-системы

Наряду с формированием мировых регулирующих организмов отмечу распространение феномена стран-систем.

В одной из своих ипостасей это те же Соединенные Штаты, чья административно-политическая граница не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов».

В еще более явном виде — становление и расширение Европейского союза, особенно родившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства — Большой Китай, вбирающий такие сегменты, как Макао, и образующий симбиотическую структуру с автономией Гонконга. А в перспективе, возможно, с другими территориями, имеющими прямое и косвенное к нему отношение.

Это также аморфное постсоветское пространство, которое способно на останках структурности СНГ породить в том или ином формате системы государств — как связанные с Россией (например, ЕврАзЭС), так и независимые от нее (ГУАМ либо конфигурации западно-южной балтийско-черноморской общности).

Глокализация и субсидиарность

Наконец, очевидна диверсификация суверенитета как на путях легальной децентрализации (недавний опыт СССР, Чехословакии и Югославии или другие ситуации относительно недавнего прошлого, приведшие к образованию суверенных государств — наподобие генезиса Бангладеш или Эритреи), так и в русле многоликой субсидиарности вкупе с процессами универсальной глокализации.

Субсидиарность, ее двоюродные и троюродные родичи наряду с привычными ситуациями автономизации (Северная Ирландия, Шотландия, Баскония, Каталония, Корсика, Фландрия и т. п.) сегодня включают в себя множасьую феноменологию «непризнанной государственности» (Северный Кипр, Карабах и др.), венчурные формы ее легитимации (Палестинская автономия, Косово), поиск иных способов адаптации (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия).

Или же специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность, периодически проявляющаяся, к примеру, на Африканском континенте (как лимитрофы искусственно прочерченных границ), либо повстанческие криминальные и полукриминальные латиноамериканские «республики сельвы». Равно как этно-конфессиональные (Дарфур) трайбалистские (зона Великих африканских озер), демодернизированные (Сомали, Афганистан) и другие неоархаичные образования. Или же обширный, хотя и принадлежащий прошлому, южноафриканский опыт строительства бантустанов.

Здесь же стоит назвать сумятицу несостоявшихся и обанкротившихся государств. Или многоликих транзитных «золотых земель», мятежных автономий: от квази-государственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до «зоны племен» на афгано-пакистанской границе, плавно переходящих, в конце концов, в трансграничную и своеобразно социализированную структурность полевых командиров и наркотрафика.

Геоэкономическая конструкция

Геоэкономическая формула мироустройства, сохраняя определенную преемственность с прежней практикой миростроительства (догоняющей модернизацией), реализуется, однако же, в заметно ином историческом формате, отчасти напоминающем прописи сословного (слоистого) мира. Генетически произрастая из кодов фритредерства, сегодня она закрепляет и технологизирует намеченное в прежнем политическом языке разделение мира на большие пространства Востока и Запада, Севера и Юга, «индустриально развитых стран» и «третьего мира» и т. п.

Формирующуюся геоэкономическую конструкцию (геокон) можно описать как специфичное соподчинение шести ареалов, два из которых являются транснациональными, а четыре имеют географическую локализацию. Это:

- транснациональный космос штабной экономики (Новый Север);
- трансгеографическое теневое пространство мирового андеграунда и трофейной экономики (Глубокий Юг), интегрирующее останки несостоявшейся либо обанкротившейся государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации, подобно ленте Мебиуса плавно смыкающийся с глобальной теневой стиральной машиной квази-Севера;
- высокотехнологичный Североатлантический регион (Запад);
- связанное с массовым промышленным производством Большое тихоокеанское кольцо (Новый Восток);
- традиционный сырьевой Юг;
- не обретший внятный геоэкономический профиль сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами развития либо деградации российской государственности.

Новые акторы

Пожалуй, наиболее интригующим регистром практики является пространство новых акторов на планете: государств-корпораций и корпораций-государств — территориальных, деятельных и антропологических организованностей, активных и дерзновенных протосуверенов, отличных от прежних форм государственности и социальной организации в целом.

В процесс по-новому прочитанной субсидиарности вовлекаются при этом не только регионы, автономии или мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим целеполаганием.

Это также идущий на смену гегемонии буржуазии новый политический класс — ступки сознаний и воли, субъекты и агенты драматичных перемен, совершающихся в человеческом космосе.

Человек-*manterpriser* (человек-предприятие) институализирует себя как аутосуверена, следуя формуле — «нет общества, есть только индивиды». Именно занимающий в мире властные позиции эклектичный слой четвертого сословия очерчивает контур трансграничного сообщества, развивающегося по собственным лекалам, знаменуя (и ускоряя) самим фактом своего существования пришествие постсовременного универсума.

Амбициозная корпорация

Современное прочтение глобализации не ограничивается обсуждением перспектив экономической или политической интеграции. Или, скажем, симбиотических конструкций, выстраиваемых на основе универсального рынка либо систем информации и международных структур управления.

Ярлык — равно как и язык глобализации — применяется сегодня для обозначения различных новаций, появляющихся в обществе, нередко несовпадающих, а бывает — прямо противоположных как по характеру, так и по целеполаганию. И не сводимых исключительно к тенденциям объединения/унификации человеческого сообщества.

Наряду с глобализацией (так сказать, глобализацией *per se*) не меньший интерес вызывают связанные с ней процессы глокализации и индивидуации. Основанием для

этого, в числе других причин, служит повышение реального статуса эффективной корпорации и деятельной личности, их суверенизация, обретаемая мускулатура, базирующиеся на признании и юридической фиксации принципов свободы торговли и универсальности прав человека, на трансформации этатистской логики и транспарентности границ в новой просторности мира.

Играют роль также многочисленные следствия высоких технологий, использование новейших технических средств, доступ к мировым информационным потокам, возможности быстрой, множественной проекции влияния и силы, новые методы управления практикой и процессами государственного строительства.

Социальный космос заметно усложнился за последние годы и десятилетия. Число обитателей планеты не просто росло, причем значительно. Менялись не только количественные параметры населения Ойкумены, но также число производных антропологических связностей и качественные характеристики социальных организмов.

Глобальная модернизация имела следствием ускорение многих процессов, транснационализацию пространств и упрощение коммуникаций, экспансию образования и высокую общественную мобильность, обеспечивая прирост энергичных, высокообразованных личностей, способных к интенсивному, результативному взаимодействию в многомерной, подвижной галактике.

Дальнейшее развитие полнокровной транснациональной оболочки ставит под сомнение прежнюю архитектуру космополиса — прежней формулы политического строя как системы взаимоотношений национальных государств, т. е. совокупность суверенных территорий цивилизации, обладающих культурным, историческим своеобразием, в той или иной степени ограниченных для свободного перемещения людей, товаров, услуг, капитала.

Новая Лапутания проектирует и производит собственную архитеконику объединенного транснациональной плацентой глокального архипелага Нового мира, состоящего из терминалов-метрополисов, иных центров развития, связанных средствами безопасности, коммуникации и финансово-информационными потоками в универсальную парасетевую структуру.

Нелинейность новой общественной механики, ее сетевая полифония, импульсы самоорганизации вкупе с двусмысленностью дорожных карт (пост) современности проявляются во внешней спонтанности событий, неравновесной динамике, умножении кризисных ситуаций и открывающихся при этом возможностях.

Стремительно расширяющаяся и усложняющаяся вселенная людей открыта сегодня для радикальных перемен, в ней рождается новое оригинальное поколение социальных констелляций и антропологических пантеонов — своего рода амбициозных корпораций, вступающих по мере своего становления в битву за будущее с прежним поколением земных владык.

Что такое амбициозная корпорация? Термином этим я обозначаю коллективный, слабо формализованный субъект социального действия, обладающий трансэкономическими мотивациями, учитывая, что для многих новаций нет пока адекватных категорий и лексем. Так что данным термином приходится обозначать достаточно эклектичное сообщество, своего рода питательный бульон грядущих исторических персонажей.

Это и возникающие корпорации-государства, и более традиционные глобальные мультикультурные предприятия, влиятельные клубы различных пропорций и уровней компетенции, неправительственные организации, «невидимое колледжи», религиозные и квазирелигиозные группы действия, организованные меньшинства, политически ориентированные профессиональные цеха и территориальные комьюнити, масштабные лоббистские структуры. А заодно такие сетевые организации, как, например, трансформеры транснационального движения альтерглобалистов. Список может быть продолжен.

Одновременно к (пост) современной мозаике тяготеют пестрые трансгеографические движения революционеров, подпольный истеблишмент ниспровергателей основ, «союзы энтузиастов и сумасшедших». Наконец, инфраструктура наркотрафика, криминальные сообщества, террористические организации, выстраивающие алгоритмы деятельности по собственным лекалам тотальной борьбы за будущее. И порою, будучи не в состоянии конструктивно менять реальность, они в прямом смысле подрывают ее.

В своей предельной форме амбициозная корпорация — гибкая организованность, манипулирующая и манипулируемая (образуя многочисленные каналы и петли обратной связи), преследующая неоднозначные цели, обладающая неординарным целеполаганием, динамичная, многомерная, сложная по композиции, транснациональная по составу и месту приложения сил, критичная по отношению к типологии общественного устройства и собственному состоянию. Но нередко полагающаяся в своих венчурных предприятиях на некий солидный и статусный объект Старого мира, успешно транслируя до поры его намерения и мотивации, будучи, однако, готова перерезать связующую пуповину.

Таким образом, политические коды строительства и удержания национального государства дополняются, а подчас замещаются транстерриториальной экспансией властного действия и напряжением сил, сфокусированных на выстраивании будущего.

Принципы жизнедеятельности неокорпораций все чаще акцентируют нематериальную природу практики, значение соответствующих активов, искусство демиургической импровизации, шаг за шагом выходя за рамки планирования исключительно экономического успеха: облученным и мутирующим организмам становится заметно тесна «кольчужка» прежней грамматики повседневности. Современная амбициозная корпорация — это не просто экономический агент, производитель и дистрибьютор некоего продукта, поклоняющийся фетишу товарного успеха. Подчас она сама создает версии поведения и образы будущего, предлагает планы по обустройству открывающихся ниш, т. е. соучаствует, используя доступные ей механизмы, в борьбе за реализацию того или иного социально значимого мегапроекта.

Чтобы устойчиво получать масштабную прибыль, корпорация должна претендовать на нечто большее, чем прибыль. Предпринимательская культура *per se* уступает место культуре корпоративных сообществ, восстанавливая полузабытые обертоны понятия, в том числе — трансэкономические помыслы и перспективы, будоража и провоцируя мир социальных стихий. Смыкаясь с аналогичными процессами в других сферах человеческой деятельности, стратегия метакорпорации особо выделяет поиск оригинальной суперпозиции в системе как экономических, так и общественных замыслов, формулируя миссию и провидение (*vision*), чувствуя вкус к освоению только намечающихся горизонтов событий.

Обретая востребованную историей позицию, корпоративный конгломерат производит/продает уже не конкретный товар и даже не «товарный сюжет» (выдвигающий на передний план долгосрочный маркетинг, маргинализируя фактор производства), но идею, перспективу, а вместе с ними — доверие, безопасность, борьбу за ландшафт, расположенный по ту сторону очередной высотной границы. В конечном счете, именно способность к опознанию и освоению новизны, искусство преадаптации предопределяет успех эволюции и долгосрочность существования в нестабильном, многомерном мире.

В соответствии с логикой подобного подхода корпорация планирует и затем осуществляет благоустройство перспективной ниши, в результате чего ее образ сопрягается в общественном сознании с миражами и горизонтами взыскуемой обществом утопии. Даже небольшая корпорация, нашедшая конкурентоспособный рецепт ко-

лонизации будущего, переживает пароксизм роста и ощущает высоту достигаемого успеха.

Речь, таким образом, идет о достаточно разноликом семействе особей — парapolитических, национальных, этнических, территориальных, экономических, клановых, личностных — в особенности тех, которые обладают выраженной способностью к дерзновению. Прочитанный в новой логике суверенитет оказывается здесь подвижной категорией, но не в смысле его ликвидации, а, скорее, расширения сферы приложения.

В результате возникает гротескный образ зыбкого, дисперсного мира, в котором конфессии замещаются сектами, толками, тайными орденами. Политика пронизывается операциями спецслужб, политтехнологов, командос. Экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и ее производными. А культура вытесняется индустрией электронных и химических грез, душевного комфорта, иллюзий.

Государство-корпорация

Тема генезиса государства-корпорации (равно как его диалектического оппонента-родственника — корпорации-государства) требует некоторой ретроспекции.

Политические пружины механизма были взведены еще в начале прошлого века. Актуальность же процесса в наши дни подтверждается транзитностью формул суверенитета, масштабностью и технологизацией управленческих конструкций, переменами в номенклатуре субъектов политического действия, процессами приватизации государственности.

При более широком прочтении тема увязывается также с судьбой особой профессиональной корпорации — «нового класса», «четвертого сословия» или «людей воздуха».

Национальная государственность — дитя своего времени, эпохи Модернити, имеющая в основании феномен городской, коммунальной культуры (бюргерство, гражданство), тогда как, скажем, мозаичная, слабосвязанная государственность, основанная на отношениях вассалитета или цеховой культуры, была характерна для феодального общества, где вассалитет и принадлежность к сословию заменяли гражданство. Так же и имперская (универсалистская, синкретичная) форма государственности переживала в различных исторических обстоятельствах собственные коллизии, с последующей фрагментацией перерождаясь в государственность национальную.

XX век — столетие великого транзита, пора социальных революций: от «революции масс» до сменившей ее незадолго до окончания века «революции элит». В определенном смысле мир глобализировался, пожалуй, еще в конце позапрошлого столетия. Правда, это была иная, зональная глобализация, базировавшаяся на «больших имперских пространствах», объединивших и одновременно разделивших планету в соответствии с принципом эффективного управления. Но взаимодействие сообществ, взаимопроникновение культур, ускорение социальной динамики было налицо.

Крах империй — «континентальных» (после Первой мировой войны) и «океанических» (вскоре после Второй) — унифицировал формат государственности в пользу *nation state*, породив множество его клонов, возвращенных вне культурной среды Модернити, ставших, однако, легитимными членами сообщества наций. Массовая деколонизация 1960–1970-х гг. повлияла на нормативы и образ суверенного государства, конец века пополнил число национальных государств в ходе посткоммунистической «дефедерализации». Но пик экспансии феномена оказался одновременно порогом мира, расположенного уже за горизонтом эпохи Модернити...

Политическая архитектура нового типа выстраивалась на протяжении прошлого столетия в нескольких различных версиях.

Прежде всего это была очередная вариация на тему отношений «замка» и «деревни»: т. е. понимание государства как политической формулы организации разделенного, «двухэтажного» общества. Или как своеобразного учреждения, отчужденного от тех, кто не принадлежит к некоей замкнутой касте, не является частью *аппарата*. И одновременно своего рода инструмента, ликвидирующего публичную политику и представительную демократию.

Данный образ был прописан в номенклатурной («азиатской», «прусской») версии строя, шедшего различными путями и под разными знаменами на смену господству третьего сословия. Движущей силой процесса являлся административно-бюрократический «новый класс», акцентировавший не личное обладание материальными ресурсами и даже не непосредственную конвертацию власти в собственность («термидорианство»), а коллективное («корпоративное») прямое либо косвенное управление ею, подчинявший себе тем или иным способом прежнего гегемона — буржуазное третье сословие, и порою ломавший его при этом о колено.

В исторической ретроспективе направление провалившихся революций включает в себя не только опыт построения партийно-бюрократической государственности в России-СССР, но и теорию/практику строительства корпоративного государства в Италии либо, несколько иначе, национального социализма в Германии, да и в ряде других стран. Действительно, рассуждая о генезисе партийно-административных государств-корпораций как о кристаллизации особой формулы государственности, нельзя пройти мимо доктрины корпоративной государственности, сформулированной итальянским фашизмом, который *«реализует корпоративную систему интересов, согласованную в едином государстве»*. Другими словами, государство понималось как модус сотрудничества («корпоративности») управленческого (политического) класса, класса владельцев и трудящихся.

Можно вспомнить и такое проявление модернизационно-патерналистских энергий, как социал-демократические либо «народно-демократические» модели социализации, обкатывавшиеся в Европе, или проекты американских неосоциальных программ (от «Нового курса» до «Великого общества»).

Кроме того, экономические и политические аспекты проблемы резонируют в разветвленной семантике универсальной «революции менеджеров».

Социокосмос между тем продолжал усложняться, и требовалось либо его упростить, либо управлять им по-новому. Экономические же корпорации на этом динамичном фоне претерпевали собственные метаморфозы. С динамикой влияния менялось отношение к ним, а параллельно — оценки открывавшейся исторической перспективы.

В сущности, и национальную государственность под определенным углом можно описать как своеобразную «национальную корпорацию», обладающую историческими традициями и культурными особенностями. В этом ключе, к примеру, интересно анализировать генетику американской государственности, в определенном смысле спроектированной еще на палубе «Мэйфлауэра» и реализуемой как амбициозный проект *«гражданского политического сообщества для установления более совершенного порядка»*, — т. е. проект, имеющий ценностное основание и миростроительное целеполагание. Кстати, определение правительства США как «администрации» примечательно для русского слуха именно в данном контексте.

Сегодня государство демонстрирует очередную серию политических метаморфоз, утверждающих еще одну ипостась феномена. Реализуя геоэкономическую экспансию, государство-корпорация все чаще ставит во главу угла проблемы конкурентоспособности, экономической эффективности, тем или иным образом непосредственно соучаствует в решении крупных международных хозяйственных и финансовых проектов.

В свою очередь это приводит к диверсификации внутренней структуры государства: метаэкономические организованности претендуют на специфическую автономию, шаг за шагом выходя за пределы национального регулирования. Характерными чертами неополитического формата являются тотальная оптимизация экономической эффективности, сброс социальных обременений, взгляд на население соответствующей территории аналогичный отношению директора к служащим корпорации.

По ходу дела и территориальные, и деятельностные кланы национальной корпорации (ее «локальные директораты») наращивают взаимную конкуренцию, стремясь использовать государственную механику в собственных целях, существенно влияя тем самым на общий режим функционирования, видоизменяя его. Ценность же формата национальной государственности в глазах ряда влиятельных групп постепенно девальвируется. И государство начинает все чаще совершать акции, слабо согласующиеся с прежним политическим форматом и генеральным вектором прежней прописи его интересов.

Корпорация-государство

Корпорации — в особенности транснациональные, мультикультурные, глобальные, — ощутив в ряде ареалов девальвацию национальной государственности и осознав горизонты рекомпозиции социокосмоса, устремились в образовавшиеся проемы к иной просторности мира. Преодолевая ограничения былых регламентов и компетенций, взламывая устаревающие на глазах правила игры и протоколы.

Это историческое состязание — не просто очередной виток конкуренции государства и корпорации, отраженной, к примеру, в антитрестовском законодательстве либо радикальных антикапиталистических экзерцисах, в борьбе с организованной преступностью или системным терроризмом, когда в индустриально развитых странах еще только набирал силу процесс перерастания «подданными» (и организациями) государства-суверена прежних рамок общежительного регламента.

Красноречивый элемент и существенный этап процесса — экспансия неолиберальной идеологии и модели мироустройства вместе с сопутствующей ей «революцией элит». Неолиберальный регламент, акцентируя права деятельных организмов, способствует истощению прежнего формата социальной солидарности и публичного блага. В ходе инициированного нового вселенского разделения как государственность, так и траектории власти, и международные связи обретают все более выраженную геоэкономическую специфику.

Тем не менее, современное понимание корпораций нельзя, как отмечалось выше, свести исключительно к экономической субъектности. Речь идет главным образом о становлении поколения влиятельных структур, способных действовать за горизонтом привычного ареала обитания ТНК. О властных парapolитических организмах — отраслевых, территориальных, деятельностных; о «глобальных племенах» и сообществах, утверждающих себя как сеть взаимосвязей, возникших в ходе перестройки социума и разъедающих («коррумпирующих») основания публичной политики/представительной демократии.

Впрочем, схожие или в чем-то даже более красноречивые сюжеты уже имели место в прошлом: вспомним опыт Ост-Индской компании, обладавшей не только мироустроительными концептами, но также впечатляющими средствами проекции силы — собственными армией и флотом, правом объявлять войну и заключать мир, учреждать военно-полевые суды и чеканить монету. А со второй половины XVIII века компания уделяла основное внимание уже не торговле, а сбору налогов и управлению подвластными ей территориями.

Или вспомним еще более выразительные квазигосударственные рейдерские/каперские коалиции, прочерчивавшие в нейтральных водных просторах зыбкие границы экзотичных «морских государств». Однако то была эпоха становления другого перспективного персонажа истории. И при всем своем своеобразии и яркой феноменологии данные сообщества не представляли системное и конкурентоспособное по отношению к национальному государству явление.

В XX в. интернациональное корпоративное строительство сопрягается с трансформацией институтов национальной государственности, в процессе становления новой, транснациональной оболочки и прочерчиваемых горизонтов ее институализации.

Новый конфликт или новый конкордат, антагонизм или симбиоз обнаруживаются, к примеру, в упомянутых ранее трестовских амбициях, равно как и тенденциях социализации экономики, всеобщем управленческом «головокружении от успехов». А также в строительстве инновационных государственных конструкций на обломках колониального Востока. То есть трансформации парагосударственности колоний, протекторатов, других зависимых территорий в некий новый социально-политический формат.

Кстати, именно в матрице постколониального госстроительства проявились любопытные тенденции:

- местническая приватизация полученного «наследства», при которой влиятельные (правящие) группировки подчас были склонны рассматривать обретенную государственность как специфический клановый ресурс;
- деятельность транснациональных корпораций продуцировала порою ситуации, когда новообразованные государства выступали не столько в качестве субъекта, но как денационализированные (или «деклассированные») объекты.

Процессы деколонизации/неоколонизации порождали, таким образом, собственную версию государства-корпорации (уже, скорее, в ипостаси корпорации-государства), а экстремальные проявления феномена превращали национальные ресурсы в продукт симбиозной (с внешней доминантой) трофейной экономики.

Подобные тенденции оказались, впрочем, свойственны не только странам «третьего мира». Проявлялись они впоследствии — причем в достаточно широком диапазоне и с различной степенью полноты — также в других группах государств...

Сегодня мы все чаще сталкиваемся с ситуацией, когда национальное государство начинает рассматриваться не как интегрирующий субъект — а политэкономическая группировка как его составная часть, — но прямо противоположным образом.

Другими словами, государство превращается в своеобразный синтетический объект: аморфное пространство, в пределах которого тот или иной клан (корпорация профессиональная, территориальная, этническая или иная) борется за особую субъектность и сферу своего исключительного («парасуверенного») влияния, пренебрегая при этом интересами слабеющей «общенациональной корпорации». А национальный патриотизм состязается с мультигражданственностью и корпоративной лояльностью. В связи с чем Вадим Цымбурский пишет, например, о сложившейся в 90-е гг. прошлого века «корпорации утилизаторов России».

То есть в стране, чья государственность «сшита на скорую руку», трансформируется не только хозяйственный регламент, но мутирует сама социальная физика, претерпевает существенные изменения сам контекст экономических и политических операций. Происходит разделение власти и государства. Причем власть постепенно перестает доверять государству свои полномочия. Сумма же данных факторов разделяет привычную государственность, по крайней мере, на два регистра: геоэкономическую, трансграничную корпоративность и административно-политическую оболочку (впоследствии также включаемую в специфический «хозяйственный» оборот. Или приватизируемую, но уже несколько иным образом.

Генетику самого явления можно проследить от таких явлений, как, скажем, откуп налогов или наместничества до современных тенденций передачи ряда социальных функций и институтов — к примеру, парасиловых и разведывательных структур или пенитенциарной системы — в частные руки. Сакраментальный же вопрос заключен в дилемме: какая из форм государственности окажется предпочтительнее для доминирующего кворума (пост) современных элит?

На глазах выстраивается каркас биполярной модели, предполагающий в среднесрочной перспективе появление двух разрядов государственности.

Первый. «Поисковая» государственность-А, являющаяся, в сущности, островом транснационального архипелага, предоставляя ее руководителям право на присутствие в мировом элитном круге. Это сообщество, интегрированное одновременно в национальную политэкономическую среду и в глобальную сеть влияний, строится на основе совокупности олигархических картелей, сведенных в социально-политическую связность под зонтиком инновационной управленческой конструкции.

Второй. «Охранительная» государственность-Б: социальная, административная, реализующая общенациональные и силовые полномочия власти, обеспечивающая функционирование привычных, но теряющих актуальность и эффективность форм государственного устройства — ветшающих институтов публичной политики и увядающих ветвей власти.

В результате национальные планеты-государства раскалываются амбициозными игроками на своеобразные «астероидные группы», ощущающие подчас более значимую родственность с аналогичными парасуверенными образованиями, находящимися на других национальных орбитах, создавая с ними сложные, причудливые конstellляции. Национальная государственность рассматривается в данной логике как особый цивилизационный ресурс, как историческое наследие, со временем также подлежащее приватизации в частную либо групповую собственность.

Одновременно нарастает полифония и конкуренция культурных формул миростроительства, а критические взаимодействия между формальными и неформальными игроками на планете, между поколениями влиятельных персонажей выражаются во взрывном росте разнообразных дисбалансов, совокупно удаляющих человечество от состояния равновесия, уводящих в пространства трансцивилизационного пограничья.

В (пост) современном мире люди перестают сознавать себя социальной целостностью (см. упомянутую выше формулу — «нет общества, есть только индивиды»). Доноры, конкурируя между собой, все менее склонны поддерживать дотационных реципиентов (разве что в рамках амортизационных формул «благотворительности»), аккумулируя ресурсы для прохождения горловины наметившейся социальной, классовой инициации. В сложноорганизованной Ойкумене возрастает роль нового класса социальных систем — галактик влиятельных персонажей, сумм воли и сознаний, обладающих доступом к самому совершенному в истории инструментарию, позволяющему реализовать иной уровень операций, включая масштабные, эффективные действия в ситуациях исторической неопределенности.

Пережив в прошлом веке драматичные внутренние трансформации, новый амбициозный класс оказывается властным субъектом этой социальной динамики, творцом геэкономических и геополитических стратегий, оператором финансовых и иных ресурсов, держателем культурных, интеллектуальных, управленческих активов, проектировщиком информационно-коммуникационных технологий, плетущим смыслопроводящие сети нового мира.

Социальный горизонт

Подведем некоторые итоги. В XXI в., судя по всему, содержание мировых связей в возрастающей степени определяют новые формулы политической организации. Социальный космос переживает собственный Большой взрыв. Обнаруживаемые при этом мутации привычных форм государственности, траектории делегирования суверенитета, новые субъекты влияния вызывают пристальный интерес у исследователей и политиков.

Мы видим, что разговоры, которые велись на закате второго тысячелетия об информационном и постиндустриальном обществе, о конфликте цивилизаций и конце истории, являлись, в сущности, отражением приблизившегося исторического перелома. Причем масштаб как происходящих, так и грядущих изменений представляется сегодня грандиознее, нежели это виделось лет двадцать или тридцать назад.

Мы можем засвидетельствовать кризис сложившихся в прошлом политических институтов и генезис нового поколения социальных конструкций, их усложнение, динамизм, антропологизацию, оригинальность схем взаимодействия с прежними социоструктурами, появление нетривиальных версий пластичной и синкретичной композиции социокосмоса.

Анализируя генетику квази-государственных организмов, зачатки альтернативной структурности мировых связей, мы приходим к определенным выводам.

В новом мироустройстве государственность сохраняется, но обретает иные формы так же, как несколько веков назад исторической новацией явилось само национальное государство. Сегодня в социальной вселенной сформировались различные объекты и композиции международной практики: влиятельные мировые регулирующие органы, страны-системы; на пороге правовой легитимации поколение социоконструктов, рожденное процессами субсидиарности и глокализации...

Композиция нового мира может быть описана также с позиций геоэкономической логики миростроительства. Подобная логика охватывает все большее число деятельных субъектов, распространяясь на территориальные и отраслевые организованности, обретающие черты своеобразных корпораций-государств. Их основой могут являться государственные и транснациональные корпорации, регионы и мегаполисы, другие деятельные организмы, объединенные в сложную, подвижную систему неформальных взаимоотношений как внутри страны, так и за ее пределами. Они способны планировать и реализовывать весьма масштабные проекты, играя при случае совместно, но при этом — всегда за себя.

Иначе говоря, цели корпораций-государств и цели национального государства (а также национальной корпорации) на практике далеко не всегда совпадают, нередко существенно расходятся, а в некоторых случаях оказываются противоположными.

Изменение структурности социокосмоса сказывается на различных аспектах человеческого общежития, затрагивает оно и становление новой России. Возникает даже вопрос: не явились ли события 1991 г. стартовой позицией некой исторической траектории, долгосрочного процесса автономизации и субъективизации квази-имперских просторов и освоения океанических просторов русского/глобального мира? (И к слову, какие дополнительные изменения внесет в геометрию российской национальной корпорации вступление страны в ВТО?)

Параллельно размывается сложившийся формат политологии, экономических штудий, других социальных дисциплин. Заметна хрупкость социогуманитарного инструментария уходящей эпохи, насыщение современного дискурса альтернативными подходами и темами. На повестке дня оказывается вопрос о радикальном обновлении методологии познания, прогноза, действия в существенно меняющейся среде.

В заключение еще раз подчеркну: амбициозные корпорации-аутосуверены — не просто новое качество действия в пространстве операций. Скорее, это нарождающийся в процессе системного обновления мироустройства класс (поколение) социальных/политических институтов — протееобразных организмов, направления деятельности которых связаны с самыми разными областями практики.

Наконец, последнее замечание. В динамичном универсуме растет конкуренция за источники социальной и культурной гравитации подвижных, сложных, эклектичных систем. Мне кажется, оригинальная социокультурная гравитация — из числа наиболее ценных и востребованных временем стратегических ресурсов общества. Думаю, причины многих неурядиц в некоторых государствах кроются именно в дефиците энергии культуры, что в исторической перспективе грозит им растворением в полноводье перемен, охвативших сегодня человеческий космос.